Они торчат тут уже третий день.

Какая-то идиотская избушка посреди такого же идиотского леса – он до сих пор удивляется, как их сюда занесло. Хотя почему, собственно, их? Его. Это же он сюда аппарировал.

С другой стороны, куда смог – туда и аппарировал. Чудо вообще, что что-то получилось. С его-то фантастической способностью к аппарации.

Вот они и застряли…

Вообще, вышло, конечно, на редкость глупо. Налетели на ауроров, зачем-то полезли в драку… ну хорошо, хорошо, будем справедливы – не они. Драться полез Люциус, ну а ему просто уже выбора не осталось. Вот старший Малфой бы обрадовался, когда бы ему из аврората сова прилетела с предложением заплатить штраф и забрать в обмен сына. Его-то отец хмыкнул бы, отвесил заслуженный подзатыльник – да и забыл, разве что денег карманных на сумму штрафа лишил бы. А вот у Абраксаса Малфоя, по словам его сына, методы воспитания были несколько… так скажем, иные.

Ну и что мы имеем теперь?

Мы имеем двух малолетних придурков, сидящих незнамо где третий день и не знающих, что страшнее – если их найдут или если нет. Потому что в обоих случаях ждут их фантастические совершенно неприятности.

Начать с того, что они сбежали из школы вечером учебного дня, пусть даже и пятницы. Это уже само по себе было достаточно плохо – но как же, Люциус желает развлечься, у него какое-то срочное дело в Хогсмиде, но если ты занят, Уолли, то я, разумеется, пойду сам. Ну какой уж тут занят… отправились вместе, конечно. И если три дня назад они оба были уверены, что хорошо, что вместе, то сегодня уверенность эта заметно подтаяла.

Н-да.

Дело в том, что аппарация давалась Макнейру не то что с трудом – это было не совсем точное определение. Сама по себе она у него вышла с первого раза – проблема была не, как бы это сказать, в действии, а в способе.

Вот тут он застрял.

Потому что не понимал, по какому принципу это делается. Нацелиться было легко, сконцентрироваться на желании попасть – запросто, крутануться на месте правильно – вообще без проблем… а вот о «пути в ничто» он споткнулся.

Потому что он никогда не понимал абстрактных понятий, а представить себе это ничто, да ещё с ведущим в него путём он не мог.

Аппарация в результате получалась – причём прекрасно и аккуратно, его ни разу за все занятия не расщепляло – нормально, а вот попадал он в итоге… да куда только его не заносило.

Однажды он даже оказался на кухне, до полусмерти, кажется, перепугав эльфов.

В другой раз его вообще занесло на крышу, откуда его снимали под дикие вопли соучеников (сколько носов он разбил потом гриффам… о-о!) и отчаянную ругань преподавателей.

В итоге экзамен на аппарацию он не сдал, но заниматься не прекращал – например, с тем же Малфоем, который имел глупость самоуверенно заявить как-то на всю гостиную, что это просто преподаватель у них тупой, а если бы Уолли учил кто-то нормальный, тот мигом бы научился. И тут Нарцисса Блэк со своей ангельской улыбкой сказала:

- А ты сам смог бы научить его, Люци?

Ну и всё… Так они и попались.

Уолден был уверен, что Нарцисса сделала это нарочно. Привыкнув к его постоянному покровительству и защите, она стремилась отвечать ему тем же, и если в драках помощи от неё, разумеется, не было никакой – не потому что она плохо владела чарами, она была превосходной волшебницей, чрезвычайно хитроумной, изобретательной и совершенно неожиданно смелой, а потому что ну это было просто немыслимо – то в тех же чарах он с благодарностью принимал её помощь.

Кто ж знал, к чему это всё приведёт.

Люциус честно старался.

Когда в какой-то момент стало понятно, что «наскоком» эту проблему не решить, он начал разрабатывать всякие планы. К его чести нужно сказать, что он быстро понял суть проблемы Уолдена, и искренне попробовал объяснить ему, что такое это «ничто» и как надо искать в него путь. Делал он это со всей увлечённостью молодости, ссылаясь на каких-то древних китайцев и цитируя целыми страницами тексты, которые Макнейр переставал понимать слове примерно на третьем. Тогда Люциус притащил ему какую-то книжку, вручил – та была тоненькой и выглядела совсем не страшно, и называлась коротко, хотя и непонятно: «Коаны». Люциус потребовал от него прочитать её «не спеша – скажем, за пару недель» - а главное, понять и обдумать.

Знай Макнейр Малфоя к тому моменту получше, он отказался бы, даже не начиная – но они хоть и общались с первого курса, но близки по-настоящему не были, и он согласился.

Причём когда он открыл книжку и прочитал первый коан – всё было просто отлично, и он даже подумал, что Малфой его разыграл, потому что о чём тут, собственно, думать? Всё же в конце и написано…

А вот когда прочитал второй – понял, что, кажется… ничего не понял. Он решил пока его пропустить и прочёл третий… потом четвёртый – и так пока не дошёл до конца.

В целом, коаны для него поделились на две группы: очевидные, над которыми непонятно о чём было думать – и до такой же степени непонятные, думать над которыми тоже было невозможно, потому что нельзя обдумывать до такой степени непонятные вещи.

Через две недели Люциус устроил Уолдену экзамен: они заперлись в опустевшей спальне, не пошли на уроки, и Малфой заставил приятеля объяснить ему каждый прочитанный коан.

Тот объяснил – что смог.

Малфой почему-то был совершенно потрясён результатом, сказал что-то вроде «ну знаешь… а ещё изображаешь тут из себя!» и немедленно потащил в Запретный лес – тренироваться.

На робкий вопрос Уолдена, при чём тут ничто и путь в него, Люциус раздражённо гаркнул, что

Уолли сам прекрасно всё понимает и просто над ним издевается. Тот спорить не стал – в конце концов, ещё его дед говорил, что человеку всегда самому виднее, издеваются над ним или нет – и расспрашивать прекратил.

В тот вечер его занесло всего-то в озеро, откуда перепуганный насмерть Люциус немедленно вытащил его заклинанием, кажется, левитации, а потом они очень быстро бежали к замку и до ночи уже не высовывались из гостиной – пока разъярённый завхоз разыскивал тех идиотов, что вздумали сунуться в озеро в брачный период… кого-то там, Уолден не запомнил, а Люциус просто ужасно ругался.

Нарцисса смеялась и говорила, что она в них обоих верит. Это было, безусловно, невероятно приятно, но очень и очень осложняло жизнь обоим – потому что теперь стало практически делом чести.

А честь, несомненно, нужно было блюсти.

Уолден честно пытался представить себе это «ничто» - представлять путь было проще – получалась почему-то пахнущая пылью темнота, идти в которую совершенно не хотелось. Ну и, соответственно, не получалось.

И вот с таким вот… навыком Уолден и аппарировал три дня назад от ауроров, к которым совершенно пьяный и чем-то ужасно довольный Малфой зачем-то полез сперва с оскорблениями, а затем и с побоями. И это ещё хорошо, что ауроры те тоже были пьяны не меньше.

Каким чудом они посреди леса оказались именно в избушке – Макнейр, конечно, не знал. Беда была в том, что он впервые аппарировал вместе с кем-то – плюс этот кто-то аппарировать абсолютно не желал и активно сопротивлялся. В целом, учитывая обстоятельства, результат можно было считать вполне приемлемым – и всё же Люциус пострадал. Причём, что самое обидное, не при аппарации – это было бы хотя бы понятно – а при падении с крыши, куда они приземлились.

Вернее, пострадали-то они оба, но Уолден был хотя бы сам виноват, а вот Малфой попал ни за что.

Во время падения они оба что-то сломали: Макнейр – свою палочку, а Люциус – руку. Правую.

Самое забавное, что они оба искренне убеждены, что другой пострадал больше: Люциус вообще как узнал о сломанной палочке – побелел хуже чем когда Уолден сооружал ему шину. Объяснить ему, что никакой катастрофы, на его взгляд, не случилось, Макнейр так и не смог, хотя и пытался. Потому что ну что палочка? Жалко её, конечно… но ведь всегда же можно купить новую, это же просто инструмент. Услышав про «инструмент», Малфой разорался о том, что вот поэтому и нельзя принимать в школу незнамо кого, потому что вот понаберут полукровок – а те даже и не…

Он вдруг краснеет и замолкает – Уолден даже пугается, не стало ли ему от этих всех воплей плохо.

- Извини, - говорит Малфой. – Как-то я… был неправ.

- Да ладно, - удивлённо соглашается Уолли. Он вообще не понимает, за что тот извиняется, но сейчас ему кажется проще согласиться, чем спорить.

- Не обижайся, - повторяет Малфой. – Я это… вообще. Абстрактно. Не про тебя.

- Да нормально всё, - пожимает плечами тот. – Как рука-то?

Малфой вздыхает и говорит тоже почему-то смущённо:

- Болит. Сильно. Но терпимо. Ты знаешь, где мы?

- Понятия не имею, - искренне отвечает Уолден.

- Ты хоть куда аппарировал-то? – безнадёжно интересуется Малфой.

- Вообще-то в Запретный лес. На опушку.

Они переглядываются, не зная, что хуже: промахнуться немного и, соответственно, сидеть сейчас посреди Запретного леса – или оказаться где-нибудь в центральной Британии. А то ещё и, не приведи Мерлин, на континенте.

- Тут вообще есть что-нибудь? Вода хотя бы какая-то… пить очень хочется, - говорит Люциус.

Конечно, хочется – так надраться.

- Должна быть, - задумчиво рассуждает Макнейр. – Я полагаю, раз дом есть – должна быть и вода.

- Почему это? – удивляется Люциус. Он сидит на чем-то вроде кровати с брошенным сверху набитым то ли сеном, то ли соломой тюфяком.

- Ну как, - в свою очередь удивляется Уолден. – Рядом с домом всегда есть вода. Если не ушла, конечно.

- Ну так найди её, что ли, - с досадой требует Малфой. – Да не стой ты столбом, Мерлина ради!

Макнейр кивает и выходит – действительно, следовало поискать воду, а ещё было бы здорово найти какую-нибудь еду.

После обследования окрестностей он возвращается с кувшином воды (вода нашлась в виде расчищенного родника совсем рядом, а кувшин отыскал в доме).

- Пока вот, - он отдаёт кувшин Люциусу. – Еды сейчас нет, но я поищу. Огонь развести надо, замёрзнем к чёрту…

- Огонь развести? – ехидно повторяет Малфой, залпом жадно выпив, кажется, чуть ли не полкувшина. – Да ну? А как, позволь поинтересоваться? У тебя палочки нет, у меня рука сломана, а левой я колдовать не буду – не пробовал никогда и даже не собираюсь сейчас начинать! Есть идеи?

- Да камней же полно, - удивляется Макнейр. – И нож у меня есть… я пойду поищу, чем топить.

- При чём здесь камни и нож? – кричит ему вслед Люциус, но тот даже не останавливается.

Сушняка поблизости не обнаруживается – зато он находит тропинку. Еле заметную, но этого и достаточно: если пойти по ней, то рано или поздно куда-нибудь выйдешь… надо дождаться утра – и попробовать.

Вернувшись с приличной охапкой хвороста, Макнейр складывает его у входа, берёт одну из веток, садится на какой-то… кажется, это была старая большая перевёрнутая вверх дном корзина – достаёт нож и принимается состругивать с ветки кору.

- И что ты делаешь? – Люциус, конечно, не утерпеть не может: подходит к нему, наклоняется, разглядывая.

- Сначала лучину, - объясняет тот. – А то не видно же ни черта. Потом поищу, где и как тут огонь разводят – должно же быть какое-то место.

- А как ты собираешься его разжигать? – теперь в его голосе слышен скорей интерес, чем насмешка.

- Увидишь. Садись, кстати, - он встаёт, уступая ему своё место и садясь прямо на пол.

- Да ладно тебе, - Малфой неожиданно тоже садится на пол рядом с ним. – Не в школе. Оба виноваты. Вообще-то… спасибо тебе. Наверное. Особенно если мы отсюда всё-таки выберемся. Отец бы мне голову оторвал за такое… сам не знаю, что на меня нашло.

- Пить надо меньше, - хмыкает Уолден. – Вот не окажется однажды меня рядом – вляпаешься в какое-нибудь такое дерьмо…

- А ты не повторяй за Руди, - мгновенно отрезает тот. – Ты не Лейстранж, тебе не к лицу так ругаться.

Макнейр только вздыхает и молча продолжает строгать кору и откалывать от ствола тонкие палочки. Видимо, Малфой истолковывает его молчание по-своему:

- Ладно тебе, - примирительно говорит он. – Но в самом деле, одно дело, когда ты из двадцати восьми – и другое, когда… просто волшебник. В первом случае это оригинально – а во втором случае грубо и от дурного воспитания. Понимаешь?

- А по-моему, дерьмо есть дерьмо – хоть у двадцати восьми, хоть у маггла, - философски говорит тот. – Так, вроде должно хватить… давай покажу, как разводят огонь. У тебя, кстати, пергамента нет случайно? Ненужного?

- Есть, - тот роется левой рукой в карманах и вытаскивает смятый лист.

- Это что? Вдруг что важное?

- Мерлин с ним, - машет рукой Люциус, - холодно как в фамильном склепе… давай уже.

Уолден отрывает часть пергамента, сворачивает его в трубку, засовывает туда пучок сухой травы, сосновых иголок и наструганную кору, потом устраивает всё это на ветках побольше, берёт нож и камень и резко чиркнул по нему лезвием. В первый раз ничего не происходит – но во второй из-под удара летят искры, падают на травинки и иголки – и те вспыхивают крохотными сперва огоньками.

Вскоре у них уже есть несколько зажжённых лучинок, и Уолден, взяв одну, приступает к осмотру их временного убежища. Малфой остаётся на месте, следя за ним с очень странным выражением лица.

- Ага… ну вот, печка. Нормальная старая печь… сейчас согреемся.

- Научишь меня? – спрашивает Люциус.

- Чему? – удивляется Уолден, с некоторым трудом поднимая заевшую задвижку на дверце.

- Всему этому. Это безобразие, что ты знаешь что-то, чего не знаю я! – он смеётся.

- Да научу, если хочешь, - пожимает плечами тот. – Только тут нет никакой магии… одно сплошное магглянство. Ты уверен?

- Ну я же извинился уже! – с досадой говорит Люциус. – Не пинай.

- Да я, - он так удивляется, что даже оборачивается. – Я ничего… кстати, хочешь? – он вынимает из кармана какой-то свёрток. – Я пока тебя ждал – зашёл купить сладостей для Нарциссы. Но она, наверное, простит нас и поймёт.

Люциус вздыхает.

- Простит, конечно… там что, шоколад?

Макнейр кивает.

- Удачно… хоть поедим. Но я пока что не голоден, давай на утро оставим.

- Я там видел тропинку – думаю, завтра мы куда-нибудь выйдем, - оптимистично предполагает Уолден.

…Однако они не вышли. Тропинка достаточно быстро истончилась, и им пришлось возвращаться по ней обратно.

Вот так они и сидели в этой проклятой избушке уже третий день. Уолден лазал на дерево, но не сумел долезть достаточно высоко, чтобы разглядеть что-то сквозь кроны деревьев. Да и Люциус, всё обдумав, объявил, что разумнее всего, раз уж они так попались, просто сидеть на месте и ждать, пока их найдут.

- Отец меня где угодно отыщет, - невесело говорит он. – И голову оторвёт. Тут тебя точно повезло больше.

- Не считая того, что тебе всё опять сойдёт с рук, а меня, вероятно, из школы выкинут.

Люциус даже оскорбляется:

- С ума сошёл? Я скажу, разумеется, что это я тебя уговорил пойти со мной – а потом сам с тобой аппарировал. Тебе ничего не будет – ну накажут, конечно… но меня-то из школы не выгонят, а раз моя вина больше – не смогут и тебя. Вот ещё. И палочка с меня, - добавляет он категорично, а на попытку ему возразить режет: - Даже не думай! Я сказал – с меня, значит, с меня. А то я отцу своему ещё и это расскажу – он тебе тогда сам её купит, хочешь?

- Нет, спасибо, - ёжится Уолден. Старший Малфой всегда вызывает у него совершенно мучительное чувство неловкости, и общаться с ним лишний раз, да ещё и подобным образом он совсем не желает.

Однако ему всё же приходится. Потому что Люциус, как всегда, оказывается прав, и находит их на исходе третьего дня именно Абраксас Малфой. Войдя в хижину, он останавливается на пороге и, оглядев притихших юнцов, спрашивает:

- Кто аппарировал?

- Я, - очень убедительно говорит ему Люциус, но с отцом этот номер не проходит.

- У вас проблема с аппарацией, мистер Макнейр? – вежливо и даже дружелюбно интересуется он у мнущегося Уолдена. – А с тобой мы дома поговорил, - обещает он сыну. – Для начала объяснишь мне происхождение авроратского штрафа, - Люциус закусывает губы, а Абраксас с прежним дружелюбием обращается к Макнейру: - Итак, молодой человек? Я не собираюсь обсуждать этот вопрос со школьным директором, если вас это интересует.

- Спасибо, - искренне говорит Уолден. – Это я виноват, на самом деле. Я аппарировал. У меня… плохо получается с направлением.

- Виноваты оба, - отмахивается тот, - да я вам не суд. Что именно получается плохо? В чём проблема?

- В ничто, - мучительно краснея, почти шёпотом отвечает Уолден.

- В чём?! – недоверчиво переспрашивает Абраксас.

- В ничто, - с трудом заставляет себя повторить громче Уолден, чувствуя себя абсолютнейшим идиотом. – И в пути туда.

- Вы, молодой человек, вообще, о чём? – Абраксас наколдовывает себе и им стулья. – Какое ничто? Какой путь?!

- Ну, аппарация, - ох, как же ему хочется куда-нибудь убежать! Пусть даже к директору школы и пусть даже признаться. Во всём. За все годы учёбы. – Нацеленность-настойчивость-неспешность – и путь в ничто.

- Это кто же вам такое сказал? – изумлённо интересуется у него Абраксас.

- Учитель… нас так учат. А что не так?

- И, - губы отца Люциуса дрожат в едва сдерживаемой улыбке, - что именно вы делаете, когда аппарируете? Можете мне описать?

- Ну как что, - да лучше бы он ещё десять экзаменов сдал! Даже по зельям. Или по той же аппарации. – Представляю место. Чувствую, как сильно мне туда надо. Медленно и плавно поворачиваюсь на месте. Пытаюсь представить себе ничто и увидеть туда путь.

- Храни нас Мерлин от идиотов учёных – а с остальными мы разберёмся как-нибудь сами, - хохочет Абраксас. – Уолден, мальчик мой, ну нельзя же понимать всё так буквально… забудьте вы это ничто к Мордреду, да и путь туда же, - он смеётся и качает головой. – Идите сюда, - он встаёт. – Я вас сейчас научу, всё совсем просто. А тебе в голову товарищу помочь не пришло? – упрекает он сына.

Тот супится, и Макнейр спешит за него заступиться:

- Конечно, пришло! Он мне даже коаны принёс…

- Что?!! – Абраксас буквально задыхается от смеха. – Люциус! Это правда?

- Я пытался помочь, - хмуро говорит тот. – Пытался объяснить, что такое ничто. А кто это

лучше даосов знает?

- Моргана и Мерлин, - Абраксас картинно хватается за голову, - столько лет прошло – и я только сейчас узнаю, что мой наследник… Люциус, тебе тоже нужно объяснять, что такое аллегория?

- Да почему алллегория-то? – вспыхивает тот, - это же правда! Так и есть: сосредоточиться, представить, крутануться… убрать всё, что между тобой и местом, превратить их в ничто – и туда!

Сказанное только что Люциусом настолько отличается от всего того, что тот объяснял ему прежде, что смолчать Уолдену выдержки и сообразительности хватает – а вот взгляд потрясённый он не удерживает. И Абраксас, конечно же, замечает его.

- Видите, мальчики, как становится всё понятно и просто, если всё описывать простыми и понятными терминами, - весело говорит он. – Отлично сформулировал, Люциус, - хвалит он сына, - жаль, так поздно… хотя коаны почитать, конечно, полезно. И как они вам? – вновь обращается он к Уолдену.

- Коаны? – переспрашивает тот. – Ну… они какие-то странные. Или совсем очевидные – или какие-то… глупые. Ну, в смысле, непонятные, - на всякий случай поправляется тот.

- И каких больше? – вкрадчиво интересуется Абраксас.

- Первых. Но всё равно…

- А из вас выйдет толк, - с явным удовольствием кивает отец Люциуса Макнейру, приводя его этим в состояние крайнего замешательства. – Вот, учись, Люциус, - непонятно говорит он сыну – и, судя по выражению его лица, тот тоже не слишком понимает эту отцовскую реплику. – Так вы, значит, про аппарацию теперь поняли?

- То есть нужно просто представить, что между мной и тем местом ничего нет? – недоверчиво уточняет Уолден.

- Именно, - довольно кивает Абраксас. – Давайте сейчас попробуем.

Они выходят из хижины – старший Малфой глядит удивлённо на подвешенную на подоле рубашке Уолдена уложенную в шину руку сына, и спрашивает:

- Это что?

- Я сломал, - досадливо поясняет тот.

- Вижу. И в чём проблема была вылечить? Ты забыл всё, чему дома учился?

- Так рука правая, - бурчит тот.

- А левую ты, значит, так и не разработал?

- Ну… нет. Недостаточно.

Уолдену очень хочется куда-нибудь провалиться или превратиться во что-нибудь неживое от понимания неуместности своего присутствия при таком разговоре – он торопливо говорит что-то вроде: «Извинитеясейчасвернусь», - и почти что бегом кидается за дом. Пусть думают, что

ему приспичило в туалет, что ли…

- Какой же ты у меня, оказывается, ещё… глупый, - говорит негромко Абраксас и с ласковым удивлением трепит сына по щеке. – А парень хороший. Надо же, как удачно ты выбрал. Я даже… признаюсь, не ожидал. Единственный приличный человек среди всей этой твоей… компании.

- Пап, да он даже не, - изумлённо начинает Люциус, но Абраксас не даёт ему договорить:

- Таких нужно держать при себе, раз уж вдруг повезло получить.

- Я держу, - с упрёком говорит тот.

- Вот и умница, - он опять касается его щеки. – Давай, зови своего приятеля… как его?

- Уолден Макнейр.

- Вот-вот. Макнейра. А с рукой этой к школьной сестре пойдёшь.

- Но папа…

- Как ни стыдно, честное слово! Ты так всю жизнь и будешь одноруким ходить? Левой рукой он колдовать, видите ли, не может… ну ничего, вот летом вернёшься – я тебе на правую на всё лето перчатку надену, научишься.

- Я так научусь, - он даже бледнеет. – Правда.

- Ну посмотрим, - усмехается тот. – Давай, иди уже за своим деликатным приятелем. Проверим его аппарацию – и я вас отведу в школу.

- Давай сначала на Диагон-элле, - просит Люциус.

- Что там у вас ещё? Неужто палочки поломали?

- Я – нет. Уолл сломал.

- Ну хоть так, - вздыхает Абраксас. – Я надеюсь, ты ему это оплатишь?

- Да уж не премину, - ехидничает Люциус. – Как-нибудь уж на это-то мне мозгов хватит.

- Ну хотя бы на это, - незло усмехается отец. – Зови давай. Дела у меня.

На сей раз у Уолдена получается аппарировать в нарисованный на земле круг легко, точно и с первого раза. Абраксас удовлетворённо кивает и хвалит:

- Ну вот видите: отлично у вас всё выходит. Запомните, молодой человек: чаще всего если у ученика что-то не получается – это означает, что учитель не нашёл правильных слов, чтобы это до него донести. И никогда – слышите, никогда! – не сомневайтесь в себе. Будь бы вы моим сыном, я гордился бы вами не меньше, чем Люциусом. Держите меня за руки – аппарируем в Лондон.

Он сам крепко подхватывает их под руки – и аппарирует.

Аппарация скрывает яркий румянец, окрасивший почему-то лица обеих юношей.

http://tl.rulate.ru/book/63470/1659598